

Ксения Рормозер

**СБОРНИК
ДЛЯ ЧТЕНИЯ
ДОЛГИМИ
ЗИМНИМИ
ВЕЧЕРАМИ**

Ксения Рормозер

**Сборник для чтения
долгими зимними вечерами**

«Издательские решения»

Рормозер К. Н.

Сборник для чтения долгими зимними вечерами /
К. Н. Рормозер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4490-8362-3

«Чтобы жить достойно христианского призвания, душе нужна радость Рождества Христова. Чтобы умереть достойно христианского призвания, душе нужна радость Воскресения Христова». С почтением и благодарностью к читателям, Ксения Рормозер. <https://www.stihi.ru/avtor/otishie>

ISBN 978-5-4490-8362-3

© Рормозер К. Н.
© Издательские решения

Содержание

Дамский роман «Междусобойчик»	6
Часть 1	6
Часть 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сборник для чтения долгими зимними вечерами

Ксения Рормозер

© Ксения Рормозер, 2018

ISBN 978-5-4490-8362-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпиграф к сборнику:

«К этому счастью или несчастью рано или поздно приходит каждая женщина».

Сказала о замужестве моя прабабушка Эльфрида Рормозер.

Дамский роман «Междусобойчик»

*Посвящается моей дорогой
подруге, Ольге Матвеев.
С лёгкой руки, которой
сей роман и написан.*

Часть 1

Генрих посмотрел в окно, чтобы решить успеет ли он сегодня по делам до обещанного ещё вчера дождя.

За окном светило солнышко, но с запада поднималась огромная тёмная туча. Казалось, она замерла на месте, поймав взгляд Генриха в окне. Он подождал, когда туча снова начнёт двигаться, и понял, что наверняка обгонит собирающуюся грозу.

Через полчаса Генрих срезал дорогу дворами и вышел на площадь. Туча вползла следом за ним и распластала свои тяжёлые крылья над белым храмом, украшавшим центр площади. Богослужение только что закончилось, звонили в колокола. Проходя мимо, Генрих оглянулся и увидел, что церковная дверь была открыта настежь. В этот момент из мерцающей жёлтыми огнями тьмы вышла девушка. Она обернулась, чтобы совершить прощальный поклон Дому Господню и, поворачиваясь к ступенькам, на ходу открыла зонт. Ровно через мгновение хлынул сильный дождь. Девушка увидела Генриха и побежала к нему навстречу.

Генрих смотрел на неё и не двигался с места.

– Привет, Генри! – она подняла над ним зонт и, взяв его под руку, сказала, – Бежим!

Ирма хохотала по дороге и специально шлёпала по лужам, чтобы брызги летели во все стороны. Генрих мысленно прощался со своим презентабельным видом. Он уже понял, что на сегодня все дела отменяются, потому что встреча с Ирмой всегда меняла планы членов их маленького «междусобойчика». Это стало приметой: встретил Ирму – подставляй парус ветру перемен.

Друзья добежали до кофейни. На пороге они кое-как отряхнулись и вошли в зал. С зонта струями стекала вода. Генрих отдал зонт гардеробщику. Официант принёс два пледа. Генрих и Ирма накрылись пледами, и присели за столик у камина. Глядя на неугомонный дождь и ещё более потемневшую тучу за окном, Генрих позвонил домой и попросил, чтобы за ними выслали машину.

– Откуда ты взялся, мокрый Генрих? – строя ему глазки, спросила Ирма.

– Приехал в увольнительную на месяц, – ответил он, пытаясь оставаться серьёзным глядя на её улыбку.

– А мы с Констанц всё никак не могли выведать у твоей сестры, когда же ты приедешь. Она стала такой воображалой, когда тебе исполнилось двадцать. Но может быть, она ревнует тебя к нам? – и Ирма расхохоталась, тряхнув головой.

Капли с её мокрых волос разлетелись вокруг, задев Генриха, и он улыбнулся.

Им принесли по чашечке горячего кофе. Друзья с удовольствием пили его, разглядывая друг друга. Через десять минут приехала машина. И Генрих повёз Ирму домой.

Ирма и Генрих были одного круга. Можно сказать, выросли вместе. Ещё их прапрадеды стали компаньонами в текстильном бизнесе. А отцы так расширили производство, что фирма «Rohr&Moser» стала знаком качества, известным на всех континентах. Партнёры с удовольствием дружили домами и называли свою крепкую дружбу тёплым словом «междусобойчик».

Семьи компаньонов всегда были многодетными. Эта традиция поддерживалась из поколения в поколение. Все праздники и несчастья семьи встречали вместе. И, порой, трудно было сказать, кто переживает за тебя больше: собственная родня или родня компаньона. Прадеды в своё время мечтали породниться. Но за всю вековую дружбу и столь продуктивное партнёрство их дети не были замечены даже в романтической привязанности друг к другу. Этот факт объяснению не поддавался. «У судьбы всё усмотрится в своё время», наконец решили они и оставили особое распоряжение в завещании, на такой экстраординарный случай.

Сыновья обоих семейств, в обязательном порядке, заканчивали после Гимназии военное училище, и затем тянули жребий, кто будет получать финансовое, кто юридическое, а кто коммерческое образование.

Никогда дети в семье не учились в смешанных школах – это тоже была семейная традиция. Мальчики учились в мужской Гимназии, а девочки в женской. Начальное образование они получали дома. Дополнительно детей учили музыке: игре на струнных и клавишных инструментах; так же они изучали искусство пения, в его классической технике бельканто. Ещё их учили хореографии и основам изобразительного искусства, а также искусству фотографии.

Обязательным для всех детей был урок Домоводства. И девочек и мальчиков учили шить самую необходимую одежду и простую обувь. Девочек учили вязать шарфы, носки и варежки. Дети непременно учились готовить праздничную и будничную еду. Мальчиков учили основам сантехники и элементарному обращению с электропроводкой. А также искусству мелкого ремонта по дому. Про машины и говорить не стоит – гараж был их вторым домом. Братья из обоих семейств, проводили там большую часть свободного времени. Летом дети выезжали на ферму, они помогали в поле и ухаживали за животными и птицами на скотном дворе.

Но август, август всегда был месяцем абсолютных каникул для всех без исключения. Все работники фирмы уходили в отпуск. Партнёры старались не звонить друг другу без особой нужды в это время. Жёны могли наконец-то побыть наедине со своими мужьями. Старшие дети были предоставлены сами себе, а младшие оставались под надзором нянек и гувернанток.

Вот и Генрих приехал в августе, вместе с братьями, на каникулы. Они учились последний год в военном училище. Братья были тройняшками. И ещё у них была сестра Анхен, она была младше них на пять лет и ревновала своих братьев ко всем и ко всему. Когда они были дома, она ходила за ними по пятам: чтобы в чём-то помочь, чтобы послушать про что они говорят и что делают, на кого смотрят и что читают. А на ферме она даже убирала вместе с ними навоз, чтобы только не выпускать их из виду. Братья в детстве тяготились её обществом и старались при любой маломальской возможности от неё избавиться. Но когда выросли сами, и выросла Анхен, они стали относиться к ней великодушно. Ведь она была девушкой, а гимназистам старших классов уже приходилось задумываться над вопросом: «Что такое женщина и как с ней общаться».

В семье Ирмы, кроме неё, у родителей было два сына и дочь. Ирма была старше своей сестры, Констанции, на год. Братья были младше сестёр на пять лет, они были близнецами. Весной Ирма отпраздновала своё совершеннолетие. Поступила на туристический факультет, после окончания Гимназии. И теперь, тоже приехала на каникулы.

В начале августа дети из обоих семейств должны были сесть в электричку и приехать на родную ферму.

Генрих вышел из машины, чтобы открыть Ирме дверцу и подать руку. Но Ирма, вместо того, чтобы опереться на него, высыпала свои аметистовые бусины ему в ладонь, и, не оглядываясь, побежала к себе домой. «Да, она совершенно не изменилась за три года» – подумал Генрих, глядя ей вслед. И усмехнулся, машинально перебирая блестящие бусины на ладони. Потом сел в машину и уехал к себе домой.

– Я видела тебя из окна, Ирма. Тебя и Генриха. Где вы так промокли? – спросила Констанц, когда Ирма вошла в комнату.

– Он стоял под дождём, когда я вышла из храма. Мне пришлось предложить ему свой зонтик. Но, как видишь, моё доброе дело оказалось напрасным.

– Зато он довёз тебя до дома! А Франц и Альберт приехали с ним?

– Слушай, я об этом даже не спросила! – отвечала ей Ирма, переодеваясь за японской ширмой.

– Чем же ты была занята всё время, пока вы ехали домой?

– Видишь мои бусы? – Ирма выглянула из-за ширмы.

– Нет, не вижу! – посмотрев на неё в зеркало, отозвалась Констанц.

– Вот и я не вижу! Как только мы сели в машину я нечаянно за них зацепилась, когда отдавала плед администратору кафе. Они рассыпались по всему салону автомобиля, и мы с Генрихом хохотали и собирали бусины всю дорогу до дома. Даже стукнулись лбами! Смотри, какая у меня шишка! – с этими словами она подошла к сестре поближе и убрала волосы со лба, чтобы та смогла получше рассмотреть отличную розовую шишку.

Девушки рассмеялись.

В комнату вошла мать и спросила:

– Вы помните, что завтра вам рано вставать?

– Дааа...

– И вы конечно сложили вещи?

– Неет...

– Займитесь этим. Мы с отцом уезжаем на вокзал через час. Прошу вас спуститься через полчаса на общую молитву «О путешествующих».

Раннее утро второго августа было ясным-преясным. Ирма и Констанц решили взять завтрак сухим пайком и отправиться на вокзал пешком. Они очень обрадовались, когда узнали, что младшие братья с няней и гувернанткой выехали на ферму вчерашним вечерним поездом.

Генрих отпустил машину и на минуту остановился полюбоваться отцовским домом. «Как всё-таки хорошо вернуться домой!» – подумал он и пошёл к парадной двери.

– О, брат Генрих, кто это дал тебе по лбу? – спросил Альберт у брата, когда тот взбежал по ступенькам парадной лестницы.

– Ирма, конечно! – ответил за Генриха Франц, наблюдая, как Генрих высыпал из кармана бусины на поднос для писем, – Эта девушка рождена для того, чтобы создавать проблемы на ровном месте; – резюмировал Франц и хлопнул Генриха по плечу. Генрих ничего не ответил. Улыбаясь, он пошёл в комнату переодеться. Анхен, глядя на братьев, медленно прищурила один глаз, как стрелок на охоте.

На вокзале братья и сестры «Rohr&Moser» встретились и долго пропускали друг друга зайти в вагон поезда, пока проводник, рассердившись, не впихнул их туда пинками под зад. Всю дорогу все пытались подшучивать над Ирмой и Генрихом, потому что их шишки на лбу загоразивали любую тему для разговоров. Ирма только хохотала в ответ, а Генрих, не выдержав насмешек, встал, чтобы перейти в другой вагон от чересчур расшумевшегося «междусобойчика». Но тут Ирма запела его любимую песню: «Ах, мой милый Августин...», и все подхватили припев: «Всё пройдёт, всё!». Генрих развёл руками и остался подпевать. Он повязал бандану на голову и натянул её до самых бровей, чтобы никого больше не искушала его шишка на лбу.

Приехав на станцию, сёстры побежали к ферме через поле. Братья решили их не догонять, и пошли тропинкой через лесок. Девушки увидели, что за ними никто не побежал, и перешли на шаг. В поле была небольшая дорожка, и вскоре, за ними послышался шум мотора.

На квадроцикле с прицепом ехал не знакомый им парень. Они расступились, чтобы дать ему дорогу, но он остановился и предложил их подвезти. Ирма села вместе с парнем на сидение и обхватила его руками, а Констанц забралась в прицеп. Мотор шумел, и они не могли поговорить. Констанц смотрела вдаль. А Ирма всю дорогу принималась к приятному запаху, исходившему от рубашки парня, и неожиданно для себя решила прямо сейчас в него влюбиться. Эта шальная мысль захватила всё её существо совершенно так же, как огонь охватывает сухой стог соломы. И, когда они доехали до фермы, она уже знала, что влюблена в незнакомца по уши.

– Как тебя зовут? – спросил парень, снимая Ирму с сидения квадроцикла.

– Как... меня... зовут... – протянула Ирма, – спроси у моей сестры, – сказала она, смутившись, и убежала в дом.

Констанц рассмешил ответ Ирмы, но, взглянув на парня, она перестала улыбаться и серьёзно спросила: – А скажи-ка, сначала, как зовут тебя?

– Макс. Ну так как зовут твою сестру?

– Откуда ты взялся, Макс? – игнорируя его вопрос, продолжала спрашивать Констанц.

– Я всегда здесь жил, сколько себя помню. Я сын пасечника Михеля из Нижней деревни. Вот, везу мёд на ярмарку.

Не желаете купить? – он откинул покрывало с ящиков, которые стояли в прицепе. В ящиках оказался мёд самых разных сортов, в самых разных по размеру баночках.

– Ну-ка, ну-ка. Дай-ка попробовать! – слегка нагнувшись к ящикам, сказала Констанц.

Макс вежливо протянул ей несколько маленьких баночек на пробу. Констанц сделала книксен и сказала, что если им понравится мёд, то они сегодня же, вместе с сестрой, придут на ярмарку его купить. На том они и расстались.

Ирма лежала на своей тахте с открытыми глазами и смотрела в потолок, когда в комнату вошла Констанц.

– Что с тобой, Ирма?

– Вот и всё, – сказала Ирма, не глядя на неё, – знаешь что произошло? Я встретила свою судьбу и влюбилась раз и навсегда!

– Ты серьёзно? Или это один из твоих очередных приколов?

– Я серьёзно... я знаю, его зовут Макс.

– Откуда ты знаешь его имя?

– А вспомни, вспомни наше гадание на ромашке, когда мы перебирали имена братьев наших одноклассниц по алфавиту, и вот последний лепесток на моей ромашке оказался Максом!

– Ой! Да, точно! И этого парня действительно зовут Макс, представляешь!

Ирма спрыгнула с кровати от неожиданной новости.

– Чтооо? Ты это серьёозно?

– Да.

Ирма выбежала из дому. На крыльце она столкнулась с Генрихом, который едва успел отойти в сторону, чтобы дать ей дорогу. Ирма побежала догонять квадроцикл Макса.

– Ох, брат Генрих, боюсь, что шишка на лбу это только начало твоих мучений! – хлопнув его по плечу, сказал Франц.

– Знаете что, парни, предлагаю начать каникулы с купания на реке! – весело сказал Альберт, подходя к братьям.

– Хорошая мысль, Альберт, но я голоден и начну, пожалуй, каникулы с завтрака! – обернувшись к брату, сказал Франц.

Братья пошли в свои комнаты переодеваться.

– Стой! Стой! – кричала Ирма, догоняя медленно ехавшего на квадроцикле Макса. И тот наконец-то оглянулся. Увидев бегущую к нему девушку, Макс выключил мотор, и спрыгнул на землю.

– Стой! Макс! Это судьба! – выпалила она сходу и обняла его. Он тоже обнял её от неожиданности.

Но тут же отпустил и спросил:

– Судьба? Какая судьба? Ты о чём?

– Я, мы с сестрой гадали на женихов, и вот, мне выпало имя Макс. Тебя ведь зовут Макс?

– Да, я – Макс, а как зовут тебя?

– Меня – Ирма! Мы будем жить на ферме весь август! Приходи к нам в гости, Макс! Ты мне нравишься! – сказав всё это на одном дыхании, она поцеловала его, улыбнулась и побежала домой. Парень стоял в недоумении и держался за щёку, прикрывая ладонью её поцелуй.

Из окна своей комнаты эту сцену наблюдал Генрих, и, когда Ирма поцеловала парня, он сжал кулаки.

За завтраком молодёжь болтала всякую чушь. Ирма никого не слушала и практически не ела. Потом внезапно встала и ушла в свою комнату.

– Что творится с нашей Ирмой, скажи-ка нам Констанц? – потянувшись за куском пирога, попросил Франц.

Генрих перестал жевать и тоже посмотрел на Констанцию.

– А вот кто переплывёт речку первым, тому я и расскажу, что случилось с «нашей» Ирмой! – с этими словами Констанция выскользнула из-за стола, схватив горсть орешков из вазочки, и побежала на пляж.

Братья не спеша доели пирог и, взяв с собой термос с морсом и коробку с бутербродами, лениво отправились вслед за Констанц. Им не очень-то хотелось сразу после трапезы тратить силы на соревнование, ради каприза, пусть даже и очень хорошенькой, девушки. Но любопытство взяло верх. Первым переплыл реку Альберт, и на правах победителя, попросил Констанцию дожидаться братьев, чтобы сразу все могли услышать новости про Ирму.

– Вот, значит, как устроена женская любовь! – задумчиво произнёс Альберт, – Значит, если бы имя пасечника не совпало с тем, что осталось у Ирмы на ромашке, то она бы в него не влюбилась... – продолжал размышлять вслух Альберт.

– Генрих, почему ты молчишь? Тебе нечего сказать обо всём этом? – не выдержав размышлений Альберта, воскликнул Франц.

– Нечего, Франц. Я вообще думаю, что об этом нет смысла говорить, – ответил Францу Генрих и перевернулся загорать на живот.

Позже молодёжь развела костёр, потому что стало смеркаться, а домой им идти не хотелось. Ирма пришла на реку, когда сумерки стали превращаться в ночь. Она пошла плавать. Братья наблюдали за ней какое-то время, но потом вскочили и побежали в воду. Они стали резвиться вокруг неё, как дельфины, и брызгаться, как киты, пока она не рассмеялась и не стала брызгаться в ответ.

– Констанц, на помощь, они утопят меня!

Констанция прыгнула с разбегу в реку, и они устроили свою любимую с детства потешную возню. Девчонки визжали, летели брызги, и ночь искрилась им в ответ разгоревшимся на берегу костром.

Пришла Анхен, долго наблюдала за игрой в воде и, наконец, позвала всех домой, спать.

Утром их разбудил гудок клаксона. Под окнами стоял Макс. Ирма выбежала на улицу босиком, села сзади него на сидение и сладко улыбаясь, обняла парня, уткнувшись носом в его рубаху. Макс увёз Ирму к себе на Пасеку. Констанц махнула сестре рукой и завалилась спать обратно.

После завтрака братья решили пойти починить лодку и потом до обеда кататься по реке. Анхен, по умолчанию, поплелась вслед за ними. Братья провозились с ремонтом лодки пару часов. И, отчалив от берега, спустились по течению к водопаду. Там они пришвартовали лодку у крошечного причала. И устроились на траве так, чтобы видеть красоту падающей с высоты

воды и блики радуги над серебряными брызгами. Шум водопада напомнил им спор, который они вели последнее время.

– Давайте-ка сами поговорим с отцом о том, что мы уже выбрали, кто из нас чему будет учиться после училища. Зачем ещё тянуть жребий? Ведь это и так ясно, что Генрих пойдёт на юридический, а ты Альберт в бухгалтеры, ну а мне, нравится коммерция. И о нашем выборе вообще-то знает вся семья, – резюмировал долгий разговор между братьями Франц.

– Традиции семейные надо поддерживать, брат, это своего рода дисциплина и больше ничего. Так к этому и относись, – ещё раз повторил Францу Альберт. Генрих, больше слушавший их спор, чем участвовавший в нём вдруг сказал:

– Мы можем, не нарушая традиций, сделать так, чтобы каждый вытянул жребий с той профессией, которая ему по душе!

И они составили план подмены жребия, о котором никто в семье так никогда и не догадался. Анхен, в это время, сидела слишком близко к водопаду, и шум воды помешал ей услышать решающую часть спора между братьями.

Ирма ехала всю дорогу с закрытыми глазами, обнимая Макса. Ей казалось, что она вот-вот растворится совсем в его медовом аромате.

Ирма с детства была привередлива к окружающим её запахам. И всегда уходила из комнаты или из компании людей, если там пахло чем-то неприятным. Она привыкла, что взрослые женщины её круга, словно цветы, благоухали разнообразными оттенками духов. А к чужим взрослым мужчинам она никогда не подходила настолько близко, чтобы понять их запах. Братья и сестры были не в счёт, они привыкли к запахам друг друга с детства и не обращали на них совершенно никакого внимания. Но если бы им пришлось играть в прятки, в темноте, то они бы без труда нашли друг друга именно по запаху. Ведь прожитая жизнь каждого человека, как всем хорошо известно, – это не только память чувств, образов, слов и действий, это ещё и память запахов, всегда сопровождающая их.

Ирма влюбилась впервые, и поэтому чувство влюблённости навсегда запечаталось в её памяти ароматом мёда.

На повороте Ирма открыла глаза и ахнула от удивления, увидев очаровательный пейзаж. Пасека была построена в долине, вокруг которой грациозно зеленели холмы, переливаясь таким количеством цветов, что под ними едва виднелась зелёная трава.

Дом пасечника Михеля невозможно было разглядеть за деревьями. Повсюду росли маленькие и большие липы, и находиться посреди них было очень приятно. А за домом жил старый вишнёвый сад, весь усыпанный бордовыми ягодами. Изогнутые стволы держали, словно в ладонях, медленно стекающую прозрачную, как слезу, вишнёвую смолу. И казалось, что над деревьями незримо парит, словно шёлковая вуаль, облако вишнёвого аромата.

Мама Макса вышла навстречу сыну, приветливо махнув ему рукой с порога. Он махнул ей в ответ. Макс познакомил Ирму со своей мамой, и та пригласила их к столу. Завтрак был накрыт в гостиной. Вся комната была украшена резьбой по дереву: стол, стулья, потолок, даже по стенам сползала витиеватая мелкая резьба, а на камине стояли деревянные игрушки, которыми в детстве играл Макс. Как оказалось, резьбой увлекался отец Макса, пасечник Михель.

После завтрака, Макс предложил Ирме вместе с ним пойти собирать мёд. Он принёс ей защитный костюм. И, когда Ирма оделась, они отправились в пчелиное царство.

После обеда Макс и Ирма взобрались на холм. Он набрал ей целую охапку цветов. Ирма сидела на покрывале, а Макс молча лежал рядом, и, прищурив глаза от солнца, наблюдал, как она неторопливо плетёт веночек. Когда веночек был готов, Ирма одела его себе на голову и хотела встать, но не смогла, она отсидела ногу, и стала смеяться:

– Что с тобой? – удивлённо спросил Макс.

– Ай, отсидела ногу, и теперь по ней бегут мурашки, и мне смешно! – объяснила она ему свой внезапный смех.

Он сел и стал массировать её ногу своими тёплыми, сильными руками. Она замерла на одно мгновение, но потом вскочила и побежала от него по склону. Макс побежал за нею следом и, догнав, обнял, она закрыла глаза, и он поцеловал её.

Вечером Макс отвёз Ирму на ферму. Он зашёл вместе с нею в гостиную, чтобы поздороваться с домочадцами. Ирма представила Макса сестре и друзьям. Братья встали из-за стола, чтобы позжать ему руку. Альберт предложил Максиму остаться на ужин, но тот сослался на то, что его мать осталась дома одна в поздний час, и обещал принять их предложение в следующий раз.

Ирма послала уходящему Максиму воздушный поцелуй в окно и присела за стол ужинать. Разговор, который прервался из-за прихода Ирмы, продолжился дальше.

– Так куда же ты будешь поступать, Констанц, после Гимназии? – спросил Франц, передавая Ирме чашку с горячим чаем.

– Знаете, я в детстве бывала в ткацком цеху на фабрике у отца и решила для себя, что после окончания Гимназии обязательно попрошу родителей разрешить мне поработать один год на ткацкой фабрике. И не по одной специальности, а распределить время так, чтобы я поработала всюду, по всем специальностям!

Говоря «всем», Констанц взмахнула руками, и платок с бахромой взлетел вслед за ними, как крылья. Франц загляделся на Констанц на одно мгновение и сказал: – Ты похожа на птичку! Эдакий смешной фогель-воробей, клюющий всё подряд. Не трать время, детка, на всё сразу, лучше стать узким специалистом, но хорошо оплачиваемым и трудно заменимым.

– Франц, ты рассуждаешь в стиле нашей тётки Эммы! Это она любит повторять одну и ту же фразу, когда разговаривает с детьми. Эту фразу никогда нельзя вспомнить дословно, потому что тётка любит менять привычные слова на синонимы, но всякий раз получается, что-то вроде: «Каждый должен пить воду из колодца, который вырыл сам», – ответила ему Ирма вместо Констанц.

За разговорами Альберт пересел на диван, взял гитару, настроил её и стал играть приятную испанскую мелодию. Ирма и Констанц присели рядом с ним, а Анхен села в углу, в кресло, чуть наискосок от всех. К ней подошёл Генрих и включил торшер рядом с окном: – А то сидишь здесь, как паучиха в засаде! – сказал он и сел рядом на пол.

– Как ты думаешь, Генри, Констанции нравится наш Франц? – вдруг спросила она.

– Я не думаю об этом, Анхен. Открой мне секрет, сестрица, у девушек есть какие-нибудь другие интересы, кроме как выяснять, кто кому нравится?

Альберт без перерыва стал играть следующую мелодию, это был вальс. И тут Франц всех удивил: он подошёл к Констанции и пригласил её на танец. Та умилительно потупила взгляд, присела в реверансе, и, оставив платок на диване, положила руку на его плечо. Друзья захлопали им. Вальс пришлось повторить дважды. На этом настоял Франц. Он не отпускал Констанцию, пока не прозвучал последний аккорд.

Все любовались танцующей парой, кроме Генриха. Генрих наблюдал за Ирмой. А Ирма смотрела на свою сестру сначала с радостью, потом с недоумением, потом её глаза словно бы стали смотреть внутрь своей души, и было ясно, что танцующие просто мелькают у неё перед глазами. Генрих видел, как меняется её взгляд, и поэтому несколько не удивился, когда Ирма встала за секунду до окончания музыки и, кивнув всем, ушла к себе в комнату. За ней следом убежала, смущённая Констанц. Братья рассмеялись им вслед.

– Что скажешь, брат Генрих, хороша Констанц? – спросила вдруг Анхен.

Он взглянул на сестру и увидел иронию в её глазах.

– Когда-нибудь я задам тебе тот же вопрос, детка, – улыбнулся ей Генрих и пошёл спать.

До середины ночи Франц и Альберт всё сидели в гостиной и играли на гитарах. Альберт показывал Францу аккорды вальса, Франц проигрывал их снова и снова, но никак не мог запомнить несколько довольно сложных переходов.

В три часа ночи вдруг погасло электричество, и им пришлось бросить своё занятие и на ощупь добираться в свои комнаты.

Две недели подряд, по утрам за Ирмой приезжал Макс и увозил её до вечера на Пасеку. Однажды братья решили проследить за Ирмой. Анхен наотрез отказалась идти с ними, что их очень позабавило. Когда братья ушли, Констанция предложила Анхен вместе приготовить обед.

Братья лежали в засаде на одном из холмов, в высокой траве, и наблюдали в бинокль за домом пасечника Михеля. Наконец, они увидели Ирму и Макса с корзинами, полными вишни. Влюблённые вышли из-за дома, они смеялись. Ирма поставила свои корзиночки на крыльцо, а Макс отнёс свои тяжёлые корзины с ягодами в дом, и довольно скоро вернулся за корзинками Ирмы. Потом они снова ушли в вишнёвый сад. Братья поменяли место наблюдения так, чтобы видеть, как влюблённые собирают урожай. Те стояли на стремянке, и, наклоня ветви, медленно собирали ягоды, иногда угощая друг друга, а иногда целуясь.

– Теперь мы видели всё! – объявил Франц, после первого же поцелуя влюблённых, – Пошли отсюда парни. За эту девушку поздно бороться.

Братья дружно добрались до дороги и вернулись домой, как раз к обеду. Констанц испекла «Шарлотку», запах которой братья уловили, благодаря ветру, ещё до того, как увидели дом. Франц улыбнулся про себя, он понял, что этот пирог испечён в честь вчерашнего вальса.

Вечером Макс проводил Ирму домой и поставил на стол миленькую корзиночку с бордовыми ягодами вишни.

– Угощайтесь, прошу Вас, – объявил Макс, – в этом году вишня, на редкость, сладкая и её, на удивление, много. Если пожелаете купить, я могу сильно упасть в цене.

– Спасибо Макс, – отозвался Альберт, – мы непременно купим твою вишню, она действительно хороша! Как видишь, у нас в саду растут только яблони. И сорта, в основном, осенние. Зато яблоки хорошо хранятся зимой в сенах, в ящиках со стружкой.

– А как вы распорядитесь своим богатым урожаем? – спросил его Франц.

– Я ещё весной договорился с Ликёро-Водочным заводом, что половину урожая продам им, – ответил Макс.

– Сколько тебе лет, Макс? – уточнил Генрих.

– Двадцать пять.

– И давно ты управляешь своим хозяйством?

– Три года. Мой отец поздно женился, и вот уже три года, как его нет с нами. Мать может только кухарничать, так что и сад, и пасека на мне.

– Ты молодец, Макс, – сказал ему Альберт и пожал ему руку.

Братья вышли на крыльцо проводить Макса и потом пойти искупаться перед сном на реку. Ирма и Констанц пошли было следом за ними, но потом передумали и вернулись обратно. Придя в дом, они обнаружили, что Анхен ушла спать, но перед этим, видимо, съела всю вишню, потому что корзинка Макса была абсолютно пуста.

Август, тёплый нежный август баловал их солнечной погодой двадцать дней подряд. Август кормил их досыта свежими плодами из огорода и сада. Август щедро поил их сладкой и чистой водой из лесного ключа. Август утишал их молодую кровь речной прохладой, когда они приходили купаться. Август обнимал их бархатными вечерами и будил утром ароматами цветов из долины. Но потом, превратился в скользкого дождевого червяка и заставил их проводить, практически всё время, в доме. Дождь лил и лил, и, казалось, что Ветхозаветный Потоп решил повториться на бис для всех жителей фермы.

Девушки занялись рукоделием, а братья – мелким ремонтом по дому. Ирма больше не уходила на пасеку. Видимо, она общалась с Максом по телефону. И всем казалось, что влюблённым вполне хватает такой формы общения.

Перед отъездом в город, сёстры подарили братьям по две пары шерстяных носок. Кто из них кому, какие подарит, они решили не говорить, а просто положили носки на стулья перед прощальным ужином. И каково же было их удивление, когда, каждая из них на своём стуле обнаружила маленький презент. Братья довольно улыбались, переглядываясь между собой, когда сёстры визжали от восторга, разглядывая их подарки. Парни сделали каждой, на память о каникулах, маленькую шкатулочку, с резьбой на крышке. Друзья обнялись и поблагодарили друг друга за приятный сюрприз.

Да, конечно, для любопытных читательниц мы откроем секрет: шкатулка Генриха досталась Ирме, а носки, которые вязала Ирма, достались Генриху.

После прощального ужина Ирма вышла подышать воздухом. Она стояла под крышей на крыльце и смотрела на огромную лужу, которая разлилась посередине той дороги, что вела на Пасеку. Вдруг, она увидела свет фонаря в темноте и крикнула: – Я здесь, Макс, смотри под ноги, там лужа!

Через несколько минут Макс поднялся на крыльцо. Он расстегнул свой мокрый плащ, и Ирма нырнула в его тёплые объятия. Влюблённые стояли молча. Ирма закрыла глаза, а Макс смотрел на бесконечно лившийся дождь.

Вначале сентября все члены большого «междусобойчика» вернулись в город. Началась учёба, болезни, проблемы в бизнесе родителей. Словом, всё было как всегда.

Братья приехали, к Рождеству Христову, на три дня. И увиделись с сёстрами на балу. Девушки выросли ещё немного и похорошели так, что глаз оторвать от них было просто невозможно.

В своей парадной военной форме братья выглядели очень солидно. Но это не помешало им подкрасться к барышням незаметно и, не давая тем опомниться, пригласить их на тур вальса. Альберт с Анхен, Франц с Констанц, а Генрих с Ирмой закружились по паркету, как пары весенних птиц, взмывающих в ясные небеса.

– Как поживаешь, дорогая Ирма, – спросил Генрих.

– Хорошо, дорогой Генрих, очень хорошо, а ты как? – взмахнув, несколько раз веером, спросила Ирма, – Как здесь душно, – объяснила она свой жест.

– Сегодня состоится жеребьёвка у нас дома, но мы с братьями итак знаем, куда пойдём учиться дальше.

– Ах, как интересно! – ответила Ирма рассеянно, а сама краем глаза посмотрела на толпу гостей.

– Ты кого-то ищешь, Ирма?

Вальс закончился, Ирма улыбнулась Генриху и не ответила на его вопрос. Он проводил её к Констанц и потом принёс девушкам мороженое.

Франц встретил старых друзей по Гимназии и о чём-то увлечённо беседовал с ними.

Альберт был в ударе: он перетанцевал со всеми знакомыми и не знакомыми девушками на балу. Потом забрался в оркестр и бодро спел весёлую солдатскую песенку. Наконец, упился Глинтвейном так, что братья были вынуждены отвезти его домой.

– Расскажи-ка мне, дорогой братец, в честь чего это ты сегодня вёл себя, как «Дурень Ганс»? – пихая Альберта в бок, рявкнул ему в ухо Франц.

– Ирма выходит замуж этой весной... – промямлил Альберт, уронив голову на плечо Генриха.

– Фу, скотина, да ты врёшь! – воскликнул, отталкивая от себя Альберта, Генрих.

– Так хочется дать в эту пьяную морду, чем покрепче! – поддержал Генриха Франц, – Он испортил нам вечер!

– Мне шепнула об этом Анхен... – из последних сил вякнул Альберт и шмякнулся с сидения на пол, потому что машина резко затормозила, остановившись у дома.

Франц и Генрих переглянулись: – Эй, ты, полковая швайнэ, повтори, что ты сказал?

Но Альберт уже храпел. Они оставили его спать в машине, накрыв пледом.

Братья встретили Анхен после бала в гостиной.

– Ты стала просто красавицей, дорогая сестричка, скажи-ка нам, это правда, что Ирма выходит замуж? – медленно подходя к ней, спросили Генрих и Франц.

– Альберт всё-таки проговорился. Так я и знала. Ну да что там скрывать, да – это правда, я ручаюсь за то, что сказала Альберту, – ответила Анхен, отодвигаясь от них, на всякий случай, подальше.

– А ты откуда это знаешь? – братья произносили слова медленно, нажимая на каждое слово, и подошли к ней в плотную.

Анхен присела на диван и смотрела на братьев снизу вверх.

– Я слышала собственными ушами разговор тётки Эммы с нашей матерью. Они не заметили меня, как всегда, я сидела за шторой на подоконнике, в библиотеке, и мирно читала, когда они вдруг тихо зашли пошептаться о своём, – отвечала им Анхен испуганно.

Братья переглянулись. В эту минуту вошла мать и пригласила их в гостиную, на жеребёвку. На столике у праздничной ёлки, лежал кожаный прадедушкин кисет, из которого по традиции вынимался жребий. Генрих и Франц подошли к столику и, достав жребий, прочитали вслух:

– Юриспруденция, – прочёл Генрих и посмотрел на брата.

– Коммерция, – прочёл Франц.

– Ну что ж, Альберту досталась бухгалтерия, – объявил отец и хотел подойти и забрать из кисета жребий Альберта, но Генрих опередил его, он быстро собрал все бумажки и швырнул их в камин. Отец развёл руками. Все похлопали в ладоши, и пошли за праздничный стол.

Часть 2

Ирма вышла замуж ранней весной. В яркий, тёплый день. На каждом дереве кричали птицы. И с каждой крыши бесконечно капала и капала талая вода. Она была так счастлива, так поглощена любовью, что совершенно ничего не могла воспринимать всерьёз. Кто бы с нею ни общался, она всем улыбалась и смотрела в душу такими искренними глазами, что становилось неловко говорить, о чем бы то ни было, кроме её свадьбы. Поэтому все говорили ей одну, и туже фразу: «Поздравляем! Мы так рады за вас!»

Как всё это терпел её муж, тот самый Макс-пасечник, никто не знал. Он ни с кем не делился своими впечатлениями. Позже выяснилось, что у него вообще никогда не было друзей, с которыми бы он мог поговорить «за жизнь». И как его угораздило жениться на самой компанейской и кокетливой девушке нашего «междусобойчика», так навсегда и осталось загадкой.

Сразу после свадьбы молодожёны отправились в свадебное путешествие, на полупустынный берег моря. И, чтобы вы думали, они прожили там, в самом настоящем шалаше, весь медовый месяц. Шалаш собственноручно соорудил из всего, что попало ему под руку, её новоиспечённый муж. Что это был за каприз? Ирма объяснила это Констанции так: «Если мы сможем выжить вместе в неудобствах всего один месяц, то никакие удобства никогда не испортят наш брак!» Надо отдать должное Максиму, он стойчески выдержал это испытание. Но сразу же по его окончании – исчез, оставив свою молодую жену в абсолютном одиночестве. Ирма ждала его несколько дней, не двигаясь с места. Она сочиняла стихотворение:

А море было голубым,
Прозрачным, розовым, зелёным.
Оно менялось, словно дым,
Плывущий над цветущим склоном.
Его нетёплая волна,
С её пушистой белой пеной,
В ладонях лодочку несла,
И парус раздувался белый
По ветру белою фатой,
В той лодке плыл любимый мой!
Он плыл и песню напевал
Про шторм и про девятый вал.
Он правил к дому своему,
Где я ждала его и жду.
Да я всю жизнь готова ждать,
Любить, надеяться, встречать.
Мне нравится любимый мой
И запах глубины морской,
И соль в кудрявых завитках,
И раковины шум в ушах,
И привкус рыбы на губах,
Тепло тельняшки на плечах;
И долгий при свечах рассказ,
Как Бог его от бури спас,
Как он молился всем Святым
И Ангелы молились с ним.
Как он был счастлив, что спасён

И что ко мне вернулся он.
Море изменится, как дым,
Плывущий над цветущим склоном,
Переливаясь голубым,
Прозрачным, розовым, зелёным;
Его нетёплая волна,
С её пушистой белой пеной,
В ладонях лодку унесёт
Под парусом жемчужно-белым.
Уйдёт возлюбленный в поход,
Туда, где птицы не летают,
Где в глубине бездонных вод
Огромные киты гуляют;
А я останусь его ждать.
Вязать носки ему со скуки;
На клумбе галькой отмечать
Дни, проведенные в разлуке;
Писать стихи о нём в тоске
Углём на золотом песке,
И, вдаль вечернюю глядя,
Друг мой, молиться за тебя.

Ирма положила бумагу со стихотворением под камень на берегу и вошла в море. Она плыла лёжа на спине, не прибавляя скорости. Плыла и смотрела на птиц, пролетающих в небе. Море было тёплым, и волны были небольшие, Ирма двигалась в воде без особых усилий. Ей казалось, что вода постепенно унимает боль в её сердце. Но она продолжала плыть дальше, потому что не хотела возвращаться на пустой берег. Ближе к вечеру Ирма стукнулась головой о борт рыбацкого баркаса с бородатými рыбаками. Мужики молча выловили совершенно обессиленную Ирму из воды, и доставили её, спящую на коробках с рыбой, в местный трактир. Когда она проснулась, то сразу же позвонила отцу, и тот выслал ей денег на билет. Вечерним самолётом она вернулась домой.

Ирма молчала. Никто из родных и друзей не знал, как её разговорить. Все пребывали в полном недоумении. Семейный врач настоятельно просил никому не лезть к ней с расспросами: – Как только она придёт в себя, она сама обо всём расскажет. И может быть даже не один раз. Такова природа общительных людей – они не могут долго молчать, – успокоил всех доктор.

Семье пришлось терпеливо ждать, когда Ирма заговорит снова. Через несколько дней приехала тётя Эмма и сходу заперлась с новобрачной в её комнате. Она держала племянницу за руку и тоже молчала. Ирма даже не смотрела на неё. Так продолжалось до ужина. Разговор начался, когда младших братьев отправили спать. В комнату Ирмы пришли мать и сёстры. Они сели вокруг неё и она, посмотрев на каждую из них, увидела в глазах родни столько сочувствия, что решила говорить: – Я была чересчур счастлива, да?

– Дорогая, счастье вообще всегда бывает «чересчур» на фоне повседневности, – ответила ей мама.

– Если честно, я не знаю, что вам рассказывать. По-моему, всё было как всегда, – шмыгая носом, сказала Ирма, – И мне казалось, что Максу нравится моя идея. Во всяком случае, он не говорил, что ему не нравится. Ведь мы обсуждали наш медовый месяц задолго до того, как он состоялся. Мой муж не возражал провести это время так, как мы его провели.

И почему Макса нет рядом со мной, я не знаю.

– Вы не ссорились? – нагнувшись к её уху, спросила шёпотом тётя и сунула ей в руку носовой платок.

– Нет. Мы ни разу ни на что не обиделись. Пожалуй, мы были даже излишне предупредительны друг к другу, – высморкавшись в предложенный ей тётей платок, сказала Ирма.

– Ему никто не звонил?

– К вам никто не подходил, пока вы там были?

– А тебе никто не звонил?

Не дожидаясь ответа, спрашивали у неё сёстры.

– Мы поехали без телефонов. И наш берег был пустынным всё время. Каждый вечер мимо нас, проплывал только рыбачий баркас. На этом самом баркасе меня и довели до трактира, когда я, с расстройством, заплыла слишком далеко от берега.

– У тебя на баркасе были знакомые? – решила уточнить Анхен.

– Нет. Думаю, что нет. Но я видела рыбаков в сумерках. Помню, что их было трое, помню, что у них были лохматые бороды. Но мы не особенно долго друг друга разглядывали. Я так устала, что еле сидела на корме и всё время клевала носом. Мужики молча сортировали рыбу и раскладывали её по ящикам. А когда они накрыли их крышками и натянули сверху брезент, я недолго думая улеглась на ящики и сразу же заснула, а проснулась уже в трактире.

– Кто же тебя отнёс в трактир? – спросила мама.

– Хозяин сказал, что меня принесли рыбаки. Они решили меня не будить и отнесли ящики с рыбой на кухню. Там я, собственно, и проснулась утром.

– Вот как! – резюмировала Анхен и тут же засобиравшись домой.

Вечером Констанция зашла в комнату Ирмы. Взяла расчёску, чтобы расчесать её спутавшиеся волосы, но, вместо этого, стала просто гладить сестру по голове, приговаривая при этом: – Всё пройдёт, дорогая Ирма, всё пройдёт и всё будет, рано или поздно, хорошо.

– А вдруг Макс утонул, Констанц? Я ведь даже не обратилась в полицию, чтобы его искали! Так я обиделась.

– Наш отец попросил своего знакомого полицейского сообщать ему всю информацию об утопленниках в том районе, где вы проводили медовый месяц, – сказала Констанц и обняла сестру.

– Наверное, все смеются надо мной? – прошептала Ирма, закрыв лицо ладонями.

– Нет, с чего ты взяла? Никто не смеётся. Никто не может понять, что случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.